

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (38).03-06

ПРОКСЕНИЯ КАК ПРОЕКЦИЯ КСЕНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА МЕЖПОЛИСНУЮ КОММУНИКАЦИЮ

Д.В. КАЗАКОВ*Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**e-mail: dvk-postage@mail.ru*

В статье рассматривается проблема возникновения феномена проксении и роли этого института в коммуникации между древнегреческими полисами V-IV вв. до Р.Х., а также анализируется сходство проксении и ксении и различия между проксенами и дипломатическими службами древности.

Ключевые слова: классическая Греция, проксения, ксения, дипломатия, межполисная коммуникация.

Актуальность определения места и роли института проксении в коммуникационной системе древнегреческих полисов вряд ли может вызывать сомнения. Достигнув расцвета в классический период, проксения практически повсеместно была важнейшим каналом связи и мощным политическим инструментом в отношениях между обособленными греческими городами. Стоит также отметить, что, несмотря на интересный и богатый материал, представленный как античными авторами, так и эпиграфикой, в отечественной литературе тема проксении разрабатывалась мало - можно назвать только несколько специальных статей И.П. Никитиной¹. В зарубежной историографии этот вопрос освещен гораздо полнее². Обратившись к западным трудам в области истории Древней Греции, мы обнаруживаем, что многие вопросы по данному аспекту остаются без ответов, вокруг проксении до сих ходят споры и дискуссии, в которых сложно поставить окончательную точку. В частности, многие представители западного мира однозначно считают, что проксены по своей сути являлись чем-то средним между дипломатическими службами и посольствами³, что, на наш взгляд, является не совсем корректным суждением.

¹ См., например: Никитина И.П. Проксения как правовой институт // Правовые идеи и государственные учреждения. Свердловск, 1980. С. 3-20.

² См., например: Monceaux P. Les proxenies grecques. Paris, 1886; Marek Ch. Die Proxenie. Frankfurt am Main etc., 1984; Herman G. Ritualised friendship and the Greek city. Cambridge etc., 1987.

³ Примером такого мнения могут послужить следующие работы: Herman G., Ritualised friendship and the Greek city. Cambridge, 1987; Hansen M.H. La democratie Athenienne. Odense, 1978.

Подобно исследователям, придерживающимся другой позиции⁴, мы считаем, что проксения являлась ни чем иным, как своеобразной проекцией ксении, т.е. частной формы дружеских отношений на отношения между полисами. Именно аргументации такого тезиса и будет посвящена настоящая работа.

Для начала необходимо разобраться в тонкостях такого феномена древнегреческой культуры, как ксения (ξενία). Ксения представляла собой специализированные и институционализированные отношения, ставшие следствием сбалансированного обмена между людьми, причем, как правило, материального характера. Впервые подобные отношения были описаны в произведениях Гомера.⁵ Основной обязанностью ксеноса являлось гостеприимство, однако случалось, что ксенос способствовал благосостоянию своего друга и в более широком смысле, предоставляя политическую или военную помощь. Ксения часто напоминала родство в силу действий, ожидаемых от ксеноса, а также благодаря тому, что ксения передавалась по наследству,⁶ однако, в основе этих отношений всегда лежал взаимовыгодный обмен. Институт ксении существовал и в классический период: Эндий, сын Алкивиада Спартанского и Алкивиад, сын Клиния Афинского являются одними из самых известных ксеносов V века (Thuc. 8.6.3). Как и в других формах дружеских отношений, ксения, как правило, подразумевала равенство: традиционно она существовала между людьми одного социального статуса, а значит, от ксеноса ожидалось равные или лучшие услуги или подарки, получаемые в ответ.⁷ Даже сама ксения начиналась посредством преподнесения друг другу примерно равнозначных подарков.⁸

В IV в. до Р.Х. Ксенофонт рассказывает нам замечательную историю о ксении между Агесилаем и сыном Фаранабаза [Xen., Hell. 4.1.39-40]. Спартанский царь Агесилай участвовал в мирных переговорах с персидским сатрапом Фаранабазом в 395 г. в Даскилее, однако после провала переговоров, согласно Ксенофону, произошло следующее.

Фарнабаз оседлал свою лошадь и удалился, но его сын, цветущий юноша Парарита, поотстал от отца, подбежал к Агесилаю и сказал: «Я делаю тебя своим ксеносом». «Я согласен», - ответил Агесилай. «Запомни же это», - сказал Парарита и передал Агесилаю свое прекрасное копы; Агесилай принял подарок, взял в руки прелестную сбрую, предназначавшуюся для коня Идея и передал ее юноше. После этого юноша вскочил на своего коня и последовал за отцом.

Ксенофонт также говорит, что впоследствии, когда юноша был лишен гражданства и предан изгнанию, Агесилай продолжал заботиться о нем, вплоть до оказания помощи в его любовных делах. Однако, несмотря на сходство с эпохой Гомера, отношения ксении в классический период были гораздо сильнее осложнены социальными и политическими изменениями. К примеру, стало очень сложным соблюдение правила о равенстве статусов. Эсхин являлся ксеносом Филиппа II Македонского,⁹ который, несмотря на известность в Афинах, был человеком отнюдь не благородного происхождения.

Не менее важное место в системе коммуникации древнегреческого мира занимала и проксения (προξενία). Это явление, на наш взгляд, представляющее собой институционализированную и политизированную версию ксении, получило активное развитие примерно в VII в. до Р.Х. Проксен по своей сути становился ксеносом целого полиса. Такие представители, действуя на официальном уровне, предоставляли услуги, подобные тем, которые ксенос мог предоставить отдельно взятому челове-

⁴ Wallace M.B., Gauthier Ph., Mosley D.M. etc.

⁵ К примеру, отношения Антенора и Одиссея, Антенора и Менелая (Il. 3.205-8), Сарпедона и Гектора (Il. 17.149-53), Леодама и Одиссея (Od. 8.208), Одиссея, Телемаха и Ментеса (Od. 1.104-5, 119-24, 187-8).

⁶ Herman G. Ritualized friendship and the Greek City. Cambridge, 2007. P. 18.

⁷ Cartledge P. The Greeks. Oxford, 2008. P. 47.

⁸ Herman G. Ritualized friendship and the Greek City. Cambridge, 2007. P. 58-69.

⁹ Mitchell L.G. Greeks bearing gifts: The public use of private relationships in the Greek world, 434-323 B.C. Cambridge, 1997. P. 14.

ку¹⁰. Однако, в отличие от ксении, являвшейся формой частных и личных отношений между индивидуумами, проксения по своей сути являлась публичной, официальной формой взаимоотношений полиса и отдельного человека. Именно этот аспект порой вводит исследователей в заблуждение относительно схожести между проксенами и посольствами. Мы же считаем, что проксения была уникальным явлением своей эпохи, не имевшим точных аналогов в последующей истории. Будучи не согласными с вышеуказанной позицией, предоставим аргументы в пользу тезиса о том, что проксения являлась не дипломатическим явлением, но видом ксении.

Наиболее очевидным аргументом нашего тезиса является лингвистическое родство терминов *προξενία* и *ξενία*. Не менее важным фактом является и то, что зачастую статус проксена передавался по наследству от отца к сыну, что напрямую подтверждает схожесть ксении и проксении. Однако на этом родство этих явлений не исчерпывается. Как и в случае с ксенией, фундаментальной особенностью проксении был взаимообмен: проксен отстаивал интересы покровительствующего полиса и его представителей. Так, в 427 г. до Р.Х. заложники родом из Коркиры, захваченные во время морских сражений при Сиботе, были отпущены на свободу после того, как их коринфский проксен якобы уплатил 800 талантов в качестве залога за них (Thuc. 3.70.1). В 428 г. до Р.Х. несколько афинских проксенов в Митилене, не числившихся в рядах политической группы, возглавившей восстание, проинформировали афинян о бунте (Thuc. 3.2.3). Проксены также принимали послов из покровительствующих им городов; так, когда в 328 г. до Р.Х. спартанские дипломаты прибыли в Афины, они остановились в доме Каллиаса, проксена Спарты (Xen. Hell. 5.4.22).

Проксен, в отличие от дипломатов, обладал почти неограниченной свободой выбора линии поведения. Порой это приводило к злоупотреблениям, немислимым для дипломатических организаций. Подобным образом афинский проксен Никий Гортинский, используя свои связи и статус в Афинах, убедил граждан этого полиса выступить против Кидонии в 429 г. до Р.Х. (Thuc. 2.85.5). Полидам, по сути являвшийся тираном Фарсалы, апеллируя к тому факту, что он, как и его предки, был проксеном Спарты, обратился к спартамцам за поддержкой против посягательств Ясона Ферского (Xen., Hell., 6.1.2-19). Стоит отметить, что спартамцы вежливо отказались помогать Полидаму, и тогда последний вернулся домой, заключил союз между Фарсалией и Ясоном и стал помогать правителю Фер в его попытках стать правителем Фессалии.

Конечно, между проксеном и назначившим его полисом могли быть более близкие и тесные связи, но только в случае схожести интересов полиса и личных мотивов проксена. История знает ряд случаев, в которых проксены поддерживали принявший их полис, даже когда это противоречило интересам их собственного полиса. Во время Третьей Священной войны, тенедейский проксен беотийцев внес денежные средства в военный фонд беотийцев, несмотря на «непоколебимую лояльность» его полиса по отношению к Афинам (IG VII 2418.14-15)¹¹. В 349 г. до Р.Х. Мантитей, афинский таксиарх, собирал деньги в Митилене, принимая их от Аполлониды, афинского проксена в этом городе, не смотря на то, что Митилена находилась под контролем тирана Каммиса, который был врагом Афин и Мантитея, в частности (Dem. 39.17, 40.43, 36-7). Наконец, Каллиас, афинский проксен спартамцев в 390 г. до Р.Х. руководил афинскими гоплитами, вышедшими в Коринф против спартанских войск, несмотря на тот факт, что ранее он служил в нескольких посольствах Спарты (Xen., Hell. 4.5.13).

¹⁰ Однако следует принимать во внимание, как справедливо отмечает Готье, что позиция проксена является официальной только для полиса, наделившего его полномочиями. В родном полисе он остается частным лицом.

¹¹ Inscriptiones Graecae, vii 2418. 14-15: Ἀθανόδωρος | Διονυσίῳ | Τενέδ[ιος] πρόξενος Βοιωτῶν χει<λ>ίας δρα[χμιάς] «Афанадор, тенедейский проксен беотийцев, передал Дионисию тысячу драхм» (перевод автора).

Иными словами, статус проксена, в отличие от дипломатических статусов, вообще не предполагал полной лояльности, а значит, поведение проксенов могло носить самый разный характер. Так, у Платона Мегилл, изображенный потомственным спартанским проксеном афинян, говорит о привязанности, которую должны чувствовать даже дети по отношению к городу, который они представляют в качестве проксенов (Plato, *Leges* 1, 642b-d). Тем не менее, Ясон из Феры, проксен фиванцев, хоть и откликнулся на призыв Фив, разубедил фиванцев в необходимости военной кампании и заключил от их имени перемирие со Спартой, совершив поступок, по всей видимости, ставшей куда более выгодным ему самому, нежели Фивам¹².

Все же, в первую очередь, проксения являлась гражданским институтом, создаваемым полисом во имя самого полиса и применимым во многих ситуациях. Проксены могли служить политическими посредниками в процессе установления отношений между полисами. Летом 431 г. до Р.Х. афиняне сделали Нимфодора, зятя одрисского царя Ситалка, своим проксеном, что стало политической уловкой, направленной на создание союза с Ситалком, которого жаждали Афины¹³. Зачастую предоставление проксении осуществлялось в предвидении каких-либо услуг в будущем. К примеру, те же афиняне наделили полномочиями проксена Нимфодора из Абдер чтобы поспособствовать развитию политических отношений с Фракией. В данном случае, между гражданами Афин и Фракией не существовало отношений ксении, предоставление Нимфодору полномочий проксена было вызвано исключительно политическими потребностями¹⁴.

Подводя итоги, можно сказать, что проксения была целенаправленно созданной формой гражданских отношений, ставшей важным средством установления формальных контактов между полисами в V и IV вв. до Р.Х. Проксения признавалась официально на самом высоком уровне, что подтверждают вышеприведенные примеры. Однако, несмотря на то, что современному миру известны многие имена проксенов, очень малое количество из таковых было действительно активно занято в процессах коммуникации между полисами¹⁵, что является наиболее убедительным аргументом в поддержку нашего тезиса. Попробуем развить данный аргумент.

История классической Греции знает множество примеров, когда коммуникация между полисами, направленная, к примеру, на создание союзов, объединение для восстаний и других случаев, устанавливалась, минуя проксенов. Не только посредством официальных каналов (военных командующих, послов и других должностных лиц), но и с помощью неформальных контактов: амфикистий, ксенов и филий. Наконец, следует также отметить, что в Древней Греции были дипломаты и послы, чьи должности не имели ничего общего со статусом проксена, за исключением официального признания.

Сравнительно небольшая степень участия проксенов в межполисной коммуникации отражает напряженное состояние частных и публичных аспектов взаимоотношений между городами, а также подчеркивает раздробленность в политике полисов. Если проксен был связан личными отношениями с гражданином принимающего полиса (например, ксенией), он зачастую мог стараться лоббировать интересы такого человека, даже если это противоречило интересам других политиков и политических групп. Мидий, будучи проксеном эретрийцев, поддерживал своего ксеноса Плутарха во время тяжбы в Афинах, несмотря на то, что Фокион, являвшийся политическим союзником Мидии, активно выступал против Плутарха (Plut., *Per.* 29.1-2)¹⁶.

Тут мы сталкиваемся еще с одной проблемой, которую зачастую игнорируют исследователи: в отношениях с принимающим полисом проксен не представлял об-

¹² Xen., *Hell.* 6.4.20-5. Его отец также филом фиванцев.

¹³ Mitchell L.G. *Greeks Bearing Gifts.* N.Y., 1997. P. 32.

¹⁴ *Ibid.* P. 35.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Herman G. *Ritualised friendship and the Greek city.* N.Y., 2007. P. 139-141.

щие интересы натального полиса, в лучшем случае он мог быть членом политической организации внутри принимающего полиса. Мы уже упоминали митиленских проксенов, которые информировали Афины о восстании. Эти люди являлись членами политической группы в Митилене, которая противостояла повстанцам, однако один из этих людей впоследствии раскаялся и пытался убедить Афины, что повода для беспокойства не было (Thuc., 3.4.4). Индивидуальные мотивы проксена часто имели непосредственное влияние на его действия, и обособленная природа политики в греческих городах лишь обостряла эту проблему.

Стоит обратить внимание и на то, что в конце V – начале IV в. до Р.Х. наделение человека полномочиями проксена стало носить все более формальный характер акта выражения почтения. Подтверждением этому служит факт, что в это время становится все менее категоричным для проксена проживать в своем родном полисе, напротив, в Афинах этого времени было принято решение о том, что проксен должен проводить значительное время в самих Афинах. В иных случаях подобные полномочия предоставлялись, чтобы задобрить получателя в надежде на отдачу, несмотря на низкие шансы подобной отдачи. В особенности, это становится очевидным во второй половине IV века до Р.Х., когда изменился баланс сил между греческими полисами, и Македония начала доминировать на Эгейских территориях¹⁷. В результате, полисы, от которых ранее считалось честью получить проксению, теперь добивались расположения македонцев посредством предоставления им таких почестей, как проксения. Именно в этом ключе следует оценивать наделение афинянами полномочиями проксенов македонцев Алкимаха и Антипатра, целью чего безусловно являлась желание получить поддержку в македонской судебной системе¹⁸. В результате формализации проксения окончательно утратила качества, которые ошибочно можно было бы трактовать как присущие дипломатическим организациям.

PROXENIA AS XENICAL RELATIONS PROJECTED TO COMMUNICATION BETWEEN POLEIS

D.V. KAZAKOV

*Linguistic University
of Nizhniy Novgorod
n.a. N.A. Dobrolyubov*

e-mail: dvk-postage@mail.ru

The following article deals with the problem of the rise of proxenia and its role within the communication between the poleis of 5–4 centuries B.C., as well as analyzes the similarities between xenia and proxenia and the differences between proxenoi and ancient diplomatic services.

Key words: classic Greece, proxenia, xenia, diplomacy, communication between poleis.

¹⁷ К этому см. Griffith G., *Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge, 1935.

¹⁸ Mitchell L. G. *Greeks Bearing Gifts*. N.Y., 1997. P. 37.